

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ, ЧЕМ ПОВЕСТЬ О “НАУЧНОМ КОМИТЕТЕ”

© 2013 г. Юрий Альбертович Дмитриев¹

Несмотря на явный перебор моих публикаций в столь уважаемом журнале, идущий в ущерб другим авторам, за что я обязан перед ними извиниться, взяться за перо в очередной раз меня заставила статья Л.Ю. Грудцыной, опубликованная в журнале “Государство и право”², а переиначенная фраза известного поэта в её заглавии очень точно, с моей точки зрения, отражает суть изложенного ниже.

Отмечая смелость суждений и своевременность их опубликования автором, учитывая революционные решения, принятые Президиумом ВАК России 15 февраля 2013 г., тем не менее не со всеми подходами уважаемой Людмилы Юрьевны можно согласиться, а по некоторым из них позволю себе высказать диаметрально противоположное мнение.

Прежде всего о структуре и логике изложения. Статья поделена на три части, разделённые подзаголовками: “Правовой статус и роль ВАК в системе аттестации научных и научно-педагогических кадров”, «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов списка ВАК как “шлагбаум” российской науки» и “Как реформировать систему российской аспирантуры”. Конечно, автор имеет право на собственную позицию и точку зрения, но, на мой взгляд, такая структура лишена логики изложения. Если последовательно излагать стадии развития научно-образовательного процесса, то было бы логичным на первое место поставить аспирантуру как форму подготовки научных кадров, затем ВАК – как стадию их аттестации, а частному вопросу о “списочных” журналах вообще не придавать самостоятельного значения. Следуя этой логике, построим дальнейшее изложение.

Итак, аспирантура. Л.Ю. Грудцына правильно отметила, что главное отличие российской аспирантуры от евро-американской в том, что первая – констатирующая, а вторая – обучающая³.

Нельзя с этим не согласиться. Однако справедливости ради следует отметить, что такой аспирантура в нашей стране была не всегда. Автор настоящей публикации, будучи аспирантом “советского” типа, застал ещё иную аспирантуру со сдачей вступительных экзаменов, чтением лекций по специальным предметам (педагогике, психологии и др.), углублённым изучением предмета исследования, по которому пишется собственно квалификационная работа, прохождением ежегодной аттестации, отрицательный результат которой грозил автоматическим отчислением, сдачей коллоквиумов

своему научному руководителю, каковым, на моё счастье, был видный учёный акад. О.Е. Кутафин, и выдачей официального диплома юриста-исследователя.

Процесс коммерциализации обучения изменил подход большинства вузов к содержанию этого процесса, но самое главное – разделение единого учебного курса высшего образования на бакалавриат и магистратуру требует, на мой взгляд, пересмотра отношения к аспирантуре и всему высшему образованию в целом. В многочисленных выступлениях министра образования и науки Д.В. Ливанова и нового председателя ВАК России В.М. Филиппова прозвучало, что аспирантура должна стать частью процесса получения высшего профессионального образования. Было бы логичным отразить это в ст. 72 нового Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” от 29 декабря 2012 г.⁴ Но проблема, по моему мнению, лежит глубже. Разделив традиционный для нашей страны специалитет на бакалавриат и магистратуру, мы не нашли достойного места для новых уровней высшего образования. Во-первых, не сформированы требования к профессиональным навыкам, которыми должен обладать бакалавр, и самое главное – какие должности он может занимать, а какие – нет, требующие углублённой подготовки в качестве магистра. Во-вторых, чем принципиально с точки зрения содержания программы обучения отличается магистратура от бакалавриата? На мой взгляд, основная цель магистратуры состоит в углублённой отраслевой (применительно к праву) подготовке, дающей соискателю этой степени право на последующую научную и преподавательскую деятельность. Но, если согласиться с этим тезисом, тогда традиционная аспирантура превращается в дублирующее звено, от которого можно легко отказаться. Это, кстати, приблизит образовательный процесс к евро-американским стандартам и требованиям Болонского процесса.

Однако для столь революционного шага необходимо решить ряд технических вопросов. Во-первых, по действующему Закону об образовании поступление в магистратуру не требует наличия профильного образования. Иными словами, для поступления в магистратуру на специальности юриста, экономиста и некоторые другие не требуется наличия диплома бакалавра, полученного по аналогичным дисциплинам. Магистром права и экономики может стать специалист, имеющий диплом бакалавра по любой специальности. Это, правда, расходится с заявлениями первых лиц государства о низком качестве подготовки специалистов по названным специальностям. Однако таков закон, обязательный в том числе для Президента и Председателя Правительства.

Во-вторых, коль скоро профильного образования для поступления в магистратуру не требуется, есть ли смысл в этом случае в сдаче вступительных экзаменов? Может быть, от-

¹ Заведующий кафедрой Домодедовского филиала Российского нового открытого университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, доктор Ph.D (E-mail: info@ydmiriev.ru).

² Грудцына Л.Ю. Реформирование системы аттестации научных и научно-педагогических кадров: некоторые предложения // Гос. и право. 2013. № 3. С. 5–19.

³ См.: там же. С. 16.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

крыть дверь в магистратуру всем бакалаврам, как, например, сделано в Сорбонне, а затем методом селекционного отбора и индивидуального контракта с преподавателем, о чём справедливо пишет Л.Ю. Грудцына⁵, отобрать обучаемых, действительно обладающих реальными навыками научно-преподавательской деятельности, а остальных выпускать со справкой “прослушал учебный курс”, т.е. совместить вступительные экзамены с выпускными.

В-третьих, сегодня формой итоговой аттестации магистра стала успешная защита им магистерской диссертации. Здесь явно прослеживается попытка в будущем заменить по западному образцу учёную степень кандидата наук (вопрос: а кандидата куда?) степенью магистра, на чём в своё время настаивала бывший директор Департамента подготовки и аттестации научных и научно-педагогических работников Е.А. Нечаева⁶. Однако этим попыткам предвижу яростное и весьма обоснованное сопротивление нынешних кандидатов наук.

Для сравнения: на практике из общего числа аспирантов очной формы обучения успешно защищают кандидатские диссертации в лучшем случае 5–7%. А магистерские диссертации защищают почти 100% студентов, за исключением отъявленных лентяев, злостных нарушителей учебной дисциплины и лиц, отчисленных из вуза за неуспеваемость. Более того, новая редакция ст. 24 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”⁷, вступившая в силу 1 января 2013 г., официально даёт выпускнику аспирантуры дополнительную отсрочку на один год от призыва на действительную воинскую службу для решения вопроса о защите кандидатской диссертации. Думается, что качество подготовки магистров с научной точки зрения сегодня вряд ли сравнимо с качеством подготовки кандидатов наук.

Кроме того, хотя действующий Федеральный закон “Об образовании” (ст. 11) и новый Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” (п. 4 ст. 69) запрещают приём на обучение в аспирантуре бакалавров⁸, а сама аспирантура включена в систему высшего образования, мы пока ещё не воспринимаем получение учёной степени (как итог обучения в ней) самостоятельной ступенью в получении высшего образования. На самом деле в международнопризнанном дипломе доктора философии (Ph.D) записано о его обладателе: “С удовлетворительным результатом окончивший курс обучения (курсив мой. – Ю.Д.) и соответствующий всем остальным требованиям Университета (а не ВАКа или Минобрнауки. – Ю.Д.) настоящим присуждается степень доктора философии”. Этот документ в соответствии со ст. 6–2 “Признание документов иностранных государств об учёных степенях и званиях на территории Российской Федерации” Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”, действующей в редакции от 3 декабря 2011 г., не требует какого-либо дополнительного подтверждения, кроме нотариально заверенного перевода на русский язык.

Вывод таков: если диплом магистра считать формой не только оценки полученных в вузе специальных профессиональных знаний, но и подтверждения научной квалификации его обладателя, в частности лица, допущенного для преподавания специальных дисциплин в вузах, то необходимо в корне менять всю систему их подготовки, превращая в

“штучный” товар, выпускаемый по индивидуальному заказу. В этом случае обучение в магистратуре заменяет пребывание лица в аспирантуре и подпадает под действие ч. 3, 5 ст. 43 (о праве на образование) и ст. 44 (о свободе творчества и преподавания) Конституции РФ. Дальнейшая регламентация этих правовых отношений должна производиться с учётом правового смысла названных статей Основного Закона.

Следующий вопрос, затронутый в комментируемой статье Л.Ю. Грудцыной, – это правовой статус ВАК России. Разделяя в целом негативные оценки, данные автором статьи этому учреждению, необходимо подчеркнуть его атрибутивную связь с авторитарным государственно-политическим режимом. Не случайно её появление связано с окончанием относительно демократического периода правления В.И. Ленина и последовавшей за ним эпохи новой экономической политики – нэпа. Неудачная попытка его ликвидации пришлась уже на либеральный период председательства в Правительстве РФ Е.Т. Гайдара (июнь – декабрь 1992 г.). К сожалению, эти исторические периоды в развитии нашей страны закончились, и в ней вновь восторжествовал режим авторитаризма, бюрократии и несвободы. Между тем действующий Председатель Правительства России Д.А. Медведев 15 февраля 2013 г. на форуме в Красноярске отметил, что экономическое развитие страны неотделимо от развития в ней демократии, а заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ акад. РАН Л.Л. Любимов в одной из недавних (18 февраля 2013 г.) программ по телеканалу “Совершенно секретно” высказался ещё более конкретно: “Наука может развиваться только в условиях демократии”. Отсюда вывод: существование ВАКа и объективное развитие в России науки несовместимы. Следовательно, можно сделать заключение о необходимости ликвидации ВАКа. Вопрос: что делать с его функциями, столь подробно описанными в комментируемой статье? Прежде всего решение вопроса о формировании диссертационных советов. Представляется, эта функция, как и в настоящее время, должна быть возложена на учёные советы вузов. Определение формальных критериев подбора кандидатов в их состав должно быть передано экспертному сообществу, формируемому Советом ректоров вузов России, на него же должен быть возложен контроль соответствия составов конкретных советов этим формальным требованиям.

Сложным вопросом остаётся утверждение наименования учёных степеней и званий, а также номенклатуры научных специальностей.

Что касается первого, то решение этого вопроса может быть доверено самим вузам, их учёным советам. Для сравнения: уже более шести столетий Оксфордский университет в Великобритании присуждает учёные степени в области гуманитарных наук, именуемые “Ph.D” (доктор философии), а Кембриджский университет в той же Великобритании за те же работы присуждает учёные степени “Doktor of Law” (доктор права) и другие степени, имеющие отраслевое наименование. И мир не рухнул!

Что касается учёных званий, то они не должны быть пожизненными, как в России, а иметь привязку к месту работы. До тех пор пока данный учёный работает в данном вузе (связан с ним трудовым контрактом), он может именоваться профессором данного вуза. В случае же утраты им этой связи он автоматически утрачивает и статус профессора или доцента, за исключением случаев, когда по решению учёного совета данного вуза ему за выдающиеся заслуги присваивается звание почетного профессора этого вуза. В отношении России данный вопрос стоит сложнее: новый Закон об образовании не содержит наименований “учёная степень”, “учёное зва-

⁵ См. Грудцына Л.Ю. Указ. соч. С. 19.

⁶ См.: Минобрнауки отменяет кандидатов // Известия. 2011. 21 нояб.

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (Ч. 5). Ст. 7054.

⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (Ч. 5). Ст. 7063.

ние”. В ст. 2 названного нормативного правового акта их заменило понятие “академическая степень”.

Я не вполне согласен с Л.Ю. Грудцыной, что это “способствует интеграции нашей образовательной системы в международное образовательное пространство”⁹. Очевидно одно: со вступлением в силу названного Закона, т.е. с 1 сентября 2013 г., громогласные заявления нового председателя ВАК В.М. Филиппова о проверке учёных степеней на предмет их научной добросовестности утрачивают юридический смысл.

Следующая проблема – номенклатура научных специальностей. Оставляя за рамками настоящей статьи утверждение Л.Ю. Грудцыной о её несовершенстве¹⁰, замечу, что этот вопрос, как и наименование учёных степеней и званий, можно было бы оставить на усмотрение самого вуза. Так, например, вовсе не обязательно во все диссертационные советы, действующие по специальности 12.00.07 – предпринимательское право, включать специалистов по энергетическому праву, входящему в этот шифр специальности, тем более что в отношении учёных званий этот вопрос в своё время был решён гораздо более демократично. В этой связи никто не подвергает сомнению научную квалификацию профессоров по кафедрам “марксистско-ленинской философии”, “научного коммунизма”, “советского строительства” и др. Адекватное решение перечисленных вопросов могло бы наполнить принцип автономии образовательных учреждений, продекларированный п. 9 ст. 3 нового Закона об образовании, конкретным смыслом, а также создать механизм для реализации режима демократии, без чего дальнейшее нормальное развитие отечественной науки невозможно.

Ещё одним спорным моментом в рассматриваемой области общественной жизни остаётся решение вопроса о разрешении конфликтов и споров, а также о научной добросовестности соискателей учёных званий, иными словами – о плагиате. Как показывает практика, эта проблема имеет национальный характер. Как справедливо заявил В.М. Филиппов, и с ним солидарна Л.Ю. Грудцына, решение этого вопроса – прерогатива суда¹¹. Другое дело, что экспертное сообщество, авторы заимствованных положений диссертаций, учёные и диссертационные советы должны быть наделены правом обращения в эту инстанцию. Но органом, решающим этот вопрос по существу, ни в коем случае не должен быть ВАК, Минобрнауки или любой другой орган исполнительной власти.

В заключение о так называемых журналах списка ВАК. В целом разделяя выводы Л.Ю. Грудцыной о его неконституционности и “негативной роли в развитии российской науки”¹², должен отметить, что включение журналов в SCOPUS, Web of Science и в другие им подобные списки, конечно, – процесс более демократичный, но, по сути, то же самое. И здесь не имеет принципиального значения, сделано это решением президиума ВАК России или, скажем, издательской

компанией “Элзейвер”. Очевидно, что многомиллионные тиражи “Московского комсомольца”, “Таймс” и других СМИ не зависят от включения этих изданий в какие-то списки.

И наконец, об англоязычных версиях и сайтах российских журналов как обязательном требовании, подтверждающем научную квалификацию конкретного лица¹³. Как известно, Российская академия наук издаёт 146 академических журналов (с их перечнем можно ознакомиться на последней странице обложки любого из них).

Меньшая их часть (что указано там же) имеет англоязычную версию, причём из числа гуманитарных нет ни одной. Проблема здесь не в отсутствии желания их перевода, а в востребованности читателями. Отечественная гуманитарная наука на Западе интересна только узким специалистам (раньше их называли советологами), как правило, владеющим русским языком. Это – объективная реальность. Более того, будучи президентом РАН, Ю.С. Осипов на телеканале “Культура” призывал отечественных учёных, прежде всего гуманитариев, расширять и поддерживать научное языковое пространство. Разумеется, это не исключает обязанности отечественных учёных публиковаться, как призывает Л.Ю. Грудцына, в зарубежных журналах, тем более что решение вопроса об этих публикациях даже проще, чем в уважаемом журнале “Государство и право”.

В завершение необходимо несколько слов сказать о проблеме, не затронутой в комментируемой статье. Речь пойдёт о государственном финансировании отечественной науки. Современной наукой давно уже определён минимальный предел расходов из бюджета государства, направляемых на содержание науки, – 1.5% ВВП. Ниже этого предела – провал и стагнация.

В России на сегодняшний день размер этих отчислений – 1% от ВВП, т.е. государственное финансирование российской науки составляет отрицательную цифру, что ведёт к постепенному её уничтожению. В этих условиях, даже занимая на тот момент пост президента РАН, Ю.С. Осипов в той же передаче на телеканале “Культура” оправдывает написание “заказных” диссертаций, именуя таковое способом выживания для отдельных российских учёных, не одобряя при этом очевидного и наказуемого в судебном порядке плагиата.

В.В. Путин на общем собрании РАН 22 мая 2012 г. несколько увеличил цифру ассигнований на науку – до 1.77% от ВВП. С учётом коррупции, которую, несмотря на громкие заявления власти, никто ещё не победил, эта цифра обеспечивает стагнацию науки, всего лишь поддержание её существования, но никак не качественный рост. Необходимая реальность должна составлять цифру в 2–2.5 раза больше. В отсутствие этой реальности всё, что написано мною, Л.Ю. Грудцыной, даже произнесено В.М. Филипповым и иными руководителями науки, – пустой звук. Как констатировал И. Лойола, основоположник испанской инквизиции, цель оправдывает средства.

⁹ Грудцына Л.Ю. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ См.: там же. С. 6.

¹¹ См.: там же. С. 9.

¹² Там же. С. 8.

¹³ См.: там же. С. 9.